

18+

Гука
Черри

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Портрет СОДЕРЖАНКИ

Ника Черри

Портрет содержанки

<https://litres.ru/73907866>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я прошла путь от запуганной девчонки, росшей в нищете, до светской львицы, жены богатого и уважаемого человека. Путь был длинным и сложным: через принуждение, боль, унижение. Долгие годы не принадлежала себе и исполняла чужую волю, была лишь красивой куклой, приносящей удовольствие мужчинам. И сейчас, когда я на вершине, мой, казалось бы, идеальный мир рушится из-за одного наглого, самоуверенного красавчика-художника, который сводит меня с ума и будит в груди неизведанное ранее чувство любви. Я его муза, а он – моя погибель. Я должна отказаться от этой всепоглощающей страсти, но хватит ли мне на это сил... Ведь муж заказал у него мой портрет, и теперь нам предстоит провести много времени наедине, пока я позирую.

Содержание

Глава 1. Первое впечатление обманчиво	4
Глава 2. Десять лет назад	12
Глава 3. Первое дело	17
Глава 4. Новые знакомства	22
Глава 5. Неприятные последствия	27
Глава 6. Непристойное предложение	32
Глава 7. Один лишь раз	37
Глава 8. Аукцион	42
Глава 9. Покупатель	47
Глава 10. Раздевайся, девочка	54
Глава 11. Боишься меня?	60
Глава 12. Золотая клетка	66
Глава 13. Неожиданность	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ника Черри

Портрет содержанки

Глава 1. Первое впечатление обманчиво

– Спасибо, Карл. Не уезжай далеко, я ненадолго, – небрежно бросаю водителю.

На самом деле я сомневаюсь, что его настоящее имя Карл. По паспорту он скорее Коля или Вася какой-нибудь, это более подходящее имя в российских реалиях, но Карл звучит коротко и презентабельно, поэтому почему бы и нет. Кроме того, мой муж его так называет. Да обзови я его хоть Люсей, он и бровью не поведёт, лишь услужливо ответит: «Да, мэм, как Вам угодно».

Дверь роскошной машины распаивается передо мной, и я, поправляя длинное изящное платье, выхожу на дорогу. Передо мной возвышается новомодная картинная галерея, подсвеченная софитами. Аккуратно ступаю по красной ковровой дорожке, словно голливудская звезда, только папарацци не хватает. Устало прикрываю глаза у входа, швейцар так и остоленел с открытой дверью.

Как же мне надоели все эти бесконечные и заурядные светские мероприятия. Ненавижу современное искусство, я его просто не понимаю. Возможно, если бы я выросла в другой среде, разбиралась бы в музыке и картинах, но увы. А ещё я очень устала от выходов в свет. Но муж настаивает.

Побуду здесь часок, чтоб все меня заметили, и незаметно улизну домой. Приму горячую расслабляющую ванну и лягу в постель в который раз перечитывать любимый роман. Хитклифф (главный герой романа Эмили Бронте «Грозовой перевал») меня уже заждался. Загадочный, немного мрачный, меланхоличный и влюблённый до безумия, в буквальном смысле, в свою маленькую Кэти. Ах, мне бы самой оказаться в таком романе, как же мне не хватает любовного трепета в груди...

Во мне уже давно всё умерло, вместо сердца кусочек льда. Я даже не помню, любила ли я когда-нибудь хоть кого-нибудь по-настоящему или нет. Даже родная мать не дала мне любви.

Наверное поэтому я так люблю Достоевского с его мрачным взглядом на мир. Мы все обречены на страдания. А ещё потому, что книжная полка классической литературы в потрёпанных обложках у бабушки-соседки была единственным моим развлечением в детстве.

Беру бокал шампанского с подноса официанта и отпиваю небольшой глоток, хотя хочется влить его в себя залпом. Нет, ничего такого не подумайте, просто я очень люблю его, но

больше одного бокала мне нельзя, вот и растягиваю удовольствие. Муж строго контролирует, сколько я пью, что ем, какой образ жизни веду. Не сам, конечно, ему доложат.

Я его маленькая птишка, живущая в золотой клетке. Ценный коллекционный экземпляр с идеальной генетикой, чтобы родить ему здорового наследника. Я – лишь инкубатор, что помалкивает и радуется глаз. Но за годы, что мы вместе, я так и не забеременела. Вот только проблема не во мне, три предыдущие девушки – тому доказательство, но он упорно отрицает тот факт, что бесплодие – это не только про женщин. Владимир буквально одержим продолжением рода, а мне по сути всё равно.

Да, Владимир, вот так официально, будто чужой человек, а не муж. Мы лишь по паспорту супруги, а по факту видимся только в дни моей овуляции. Но я не жалуюсь, он мне противен, как и все мужчины. Те дни – лишь краткосрочное бремя. Хвала небесам, что он спринтер, а не марафонец, и акт «любви» длится всего несколько минут, а не часов. Зато я богата и ни в чём не нуждаюсь, как и моя семья.

Делаю ещё один глоток, смакуя на языке пузырьки, и склоняю голову набок, чтобы получше рассмотреть изображённую на полотне женщину. Хотя женщиной её можно назвать с натяжкой, это просто бесформенная куча рук, ног и других частей тела, расположенных совершенно хаотично. Безвкусная гадость.

– Маргарита Николаевна, здравствуйте. Очень рад вас

здесь видеть, – раздаётся за моей спиной жеманный мужской голосок.

Я узнаю его из тысячи, оборачиваться ни к чему. Он снится мне в кошмарах по ночам, этот человек – начало моего падения в пропасть, его виновник. Тот, кто безжалостным пинком меня толкнул в бездну.

Но как бы мне не хотелось кричать и крушить всё вокруг, светский этикет никто не отменял. Я – «лицо» своего супруга, я не имею право выражать негативные эмоции. Положительные кстати тоже.

– Не могу ответить вам тем же, Родион Петрович, – натянуто улыбаюсь, глядя в лицо подошедшему мужчине средних лет.

Как всегда, элегантен, представителен, в дорогом брендовом костюме, производит хорошее впечатление. Но это только на первый взгляд, а если присмотреться повнимательнее... Есть в нём что-то пугающее и отталкивающее. Скользкое, мерзкое...

– Ну что вы, Маргарита Николаевна, позабудем старые обиды. К тому же, если бы не я, вы бы так и гнили в тех трущобах, а не стояли бы здесь передо мной в платье из последней коллекции парижского модельера.

Что есть, то есть. Без него я не оказалась бы здесь. А также не прошла бы через всю ту боль и унижения, что мне пришлось испытать по его вине. Он дал мне многое, но отнял ещё больше.

Он делает вид, что любит искусство, а сам оглядывается по сторонам. Я-то знаю, для чего он здесь. Вовсе не для того, чтобы купить полотно очередного новомодного художника и повесить у себя в гостиной, нет. Он выискивает в толпе богатых клиентов на свой «товар». А что я подразумеваю под товаром, вам лучше не знать.

– Ну как вам? – подходит к нам молодой симпатичный парень и кивает на картину с бесформенной женщиной.

– Честно? Отвратительно, – не хотелось грубить, но Родион Петрович вывел меня из себя своим присутствием. Как представляю, что его руками сегодня будет загублена ещё одна жизнь молоденькой наивной девчонки, аж всю передёргивает.

– Маргарита Николаевна, ну чему я вас учил? Как всегда строптивы, непокорны, свободолюбивы... Ая-яй-яй...

– Слава богу, я больше не имею с вами дела и не должна вам угождать, – нарочито вежливо отвечаю, скрывая едкий сарказм в своём голосе за фальшивой улыбкой.

Он цокнул языком и, заметив неподалёку крупного мужчину со сверкающим Ролексом на запястье, покинул нас.

– И чем же вам не угодила моя Муза? – со смешком спрашивает парнишка.

Он выбивается из общей массы толстосумов: одет просто, я бы даже сказала небрежно, в старые джинсы и клетчатую светло-голубую рубашку, оттеняющую его глаза, рукава которой подвёрнуты до локтей. Хаос густых слегка отдающих

рыжиной на свету волос, обаятельная, открытая, искренняя улыбка, лучезарные, горящие глаза.

– Ваша? – до меня вдруг дошло, что передо мной не покупатель, а исполнитель. – Это ваша выставка?

Тот молча кивает и продолжает елозить по мне заинтересованным взглядом. Его глаза то и дело останавливаются на моих изгибах, а затем и вовсе застывают, разглядывая лицо. Чересчур долго, слишком неприлично.

Этот взгляд мне хорошо знаком, так мужчины смотрят на женщину, которую хотят. Мысленно он уже поимел меня во всех позах и ракурсах.

– Так что с ней не так? – повторил он свой вопрос, кивая на картину.

Не отвожу взгляд, давно уже так не делаю. Не опускаю глаза в пол, как меня когда-то учили, на равных смотрю в ответ. Разглядываю его, изучаю.

Красив. Чертовски красив. Обаятелен. Просто дьявольски обаятелен. Его улыбка покорила немало сердец. Женщин, а может даже и мужчин. От таких обычно мамы учат своих дочерей держаться подальше.

Милые веснушки на носу и следы краски под ногтями почему-то подкупают. Этот мужчина среди всех прочих мне наименее отвратителен. Возможно даже немного симпатичен. Самую малость.

– Ничего, это со мной что-то не так, – столько лет в высшем свете, а до сих пор чувствую себя чужой. Той самой дев-

чонкой, что собирала бутылки и сдавала их за копейки в переработку вторсырья, чтобы купить домой молока и крупы для каши на завтрак младшей сестре.

Разворачиваюсь и намереваюсь уйти, но он меня останавливает, взяв за локоть. Не сильно, не больно, но от этого прикосновения меня прошибает током. В хорошем смысле или плохом, я и сама пока не поняла. Ко мне так часто раньше прикасались мужчины и так редко делают это сейчас.

– Меня зовут Камиль, а вас Маргарита? Я нечаянно подслушал.

Камиль. Имя-то какое романтическое. Под стать творческому человеку.

– Марго, – поправляю его я и аккуратно вынимаю свой локоть.

– Марго, не уходите, оставайтесь – пытается он привлечь моё внимание.

– Это ещё зачем? – пытаюсь отвязаться.

Мне запрещено разговаривать с незнакомыми мужчинами. Со знакомыми тоже не рекомендуется. Меня это вполне устраивает, мужское общество меня тяготит.

– Вы же не видели других моих картин. Позвольте вам показать? Провести индивидуальную экскурсию, так сказать... Кто расскажет вам о замысле художника лучше, чем сам художник?

– Мне нет никакого дела до ваших замыслов, – отвечаю чуть холоднее, чем следовало бы. – К тому же, я видела

достаточно, чтобы понять, что мне ваш стиль не подходит.
Прощайте.

– До встречи, – разочарованно глядит он мне вслед.

Я замечаю это в зеркале, оборачиваться и давать ему повод или надежду не собираюсь.

– Сомневаюсь, – полушёпотом бросаю в пустоту.

До встречи... Такое прощание подразумевает ещё одну встречу, в чём я не уверена.

Глава 2. Десять лет назад

– Литусь, я кушать хочу, – лезет на меня, как обезьянка на дерево, младшая сестрёнка, стоило мне только войти в дом.

Бросаю школьный рюкзак на пол в прихожей и прохожу вместе с сестрой на руках в зал. Оглядываюсь. Как всегда бардак, сколько бы я не убиралась. Стоит только уйти на занятия, по возвращении меня стабильно ждут пустые бутылки на полу, куча грязной посуды в раковине, следы обуви повсюду и полная пепельница на подоконнике.

Распахиваю шторы и открываю окно, впуская в комнату свежий воздух и солнечный свет.

Опять курили... Ведь знают же, что Анютке вредно дышать табачным дымом. Зла на них не хватает! Лето же на дворе, можно и во двор выйти или хотя бы на балкон. На лестничную клетку в подъезд в конце концов. Ну ничего, сегодня подзаработаю денег и заплачу за детский сад за два месяца вперёд. Там ей однозначно лучше, чем дома с родителями-алкашами: и накормят, и спать уложат. Хорошо, что хоть Стас и Андрей уже постарше и почти не видят всего этого кошмара. Днём в школе, вечером на футбольной тренировке или просто на улице гуляют с друзьями.

– А где мама? – спрашиваю Анютку.

– Там, – машет маленькой ручкой в сторону спальни. –

Ещё спит.

Если мама всё утро проспала с похмелья, то понятно, почему в квартире такой беспорядок. Опять отчим дружков приводил.

– Как спит? Ведь уже обед! Ты что же, получается, ещё даже не завтракала? – вопросительно вскидываю брови.

Хотя я не удивлена, такая ситуация складывается уже не в первый раз. Мама в последнее время совсем забила на свои родительские обязанности.

– Неа, – мотает головой из стороны в сторону сестрёнка и кладёт мне её на плечо. Накручивает мой распущенный локон на свой маленький пальчик.

Крепко прижимаю её к себе, даже не думаю опускаться на пол, так и иду на кухню в обнимку, чтобы сварить ей кашу. Манную крупу в кухонном шкафу нахожу, а вот молоко в холодильнике закончилось. Придётся варить на воде. Собственный желудок грустно подвывает тихим урчанием.

– Мяу, – подбегает к ногам облезлый рыжий кот.

– Брысь, Марсик, молока нет, – аккуратно отбрасываю его ногой, чтобы не споткнуться. Вечно путается под ногами. – Иди мышей лови.

– Малсик холоший, – гладит меня по волосам сестра.

– Да никто и не спорит, – отвечаю ей с улыбкой. – Только прожорливый.

На скорую руку сварила большую кастрюлю её любимой манной каши, досыта накормила сестру, поела сама. Дала

Марсику облизать тарелки. Пока Анютка возилась с котом, я помыла посуду, брезгливо морща нос почистила пепельницу, протёрла полы, собрала и вынесла мусор.

Усадила Аню за кухонный стол и дала бумагу с цветными карандашами, которые купила по дороге домой из школы вместо обеда в столовой. Она радуется, тут же принимается рисовать огромного рыжего кота с большими усами, а я рядом делаю уроки.

Учёба даётся мне легко, с учителями тоже проблем нет, а вот общение со сверстниками идёт туго. Несмотря на то, что я довольно симпатичная, меня часто дразнят из-за плохой одежды. Пятна можно отстирать, дырки зашить, но вид у неё всё равно поношенный и часто не по размеру, уж очень худая. Обычно одежду нам отдают бесплатно соседи или волонтеры из церкви, так что выбирать не приходится. Уже и забыла, когда мама в последний раз нам что-то покупала. Как умер отец, так запила и меняет мужиков, как перчатки. Все деньги уходят на пьянки. Но ничего, вот вырасту, заработаю много денег и куплю себе и сестре самые красивые платья!

– Доброе утро, точнее вечер, – укоризненно говорю матери, вошедшей на кухню, чтобы попить воды. Она даже не берёт стакан, жадно пьёт прямо из-под крана, наклонившись над раковиной.

– Не дерзи матери, – огрызается она, вытирая рукавом халата рот. Потирает виски двумя пальцами, пытаюсь унять головную боль, и усаживается к нам за стол.

Что же с тобой случилось, мама? Когда-то ты была любящей и заботливой. Когда папа был ещё жив. Анята этого не помнит, ещё слишком маленькая была, но я-то да. Стас и Андрей тоже.

Как бы я не злилась на мать, накладываю остатки каши в тарелку и ставлю на стол перед ней. Кладу рядом чистую ложку и наливаю чай.

– Мам, присмотри за Аней, мне по делам надо отлучиться, – нервно смотрю на часы, висящие на стене.

– Каким ещё таким делам? – без особого интереса спрашивает мать.

А Анечка жмётся ко мне, не хочет, чтобы я уходила. Мать в лучшем случае будет её игнорировать, а в худшем, если сестрёнка расшумится, ещё и пригрозит ремнём отчима за то, что не даёт ей отдыхать. После гулянки она всегда раздражённая, так что второй сценарий наиболее вероятен. Но я должна... Ради Ани...

Парни впервые позвали меня с собой, я не могу упустить такую возможность заработать деньги. И не те копейки, что я получаю, отмывая и сдавая во вторсырьё бутылки, остающиеся после пьянок мамы и её сожителя, а большие деньги. Которых хватит и заплатить за детский сад, и на красивую новую, а самое главное тёплую осеннюю курточку для сестры, и на кроссовки для братьев. Может даже на себя что-нибудь останется. А если всё сделаю верно, то они снова меня позовут, вот тогда начнётся совсем другая жизнь.

– Не грусти, – хлопаю по кончику носа подушечкой указательного пальца сестру. – Я вернусь с шоколадкой, – шепчу ей на ухо.

– С клубничной начинкой? – мечтательно спрашивает она. Вижу, как загорелись её глазки, и улыбаюсь.

– С клубничной начинкой, – утвердительно киваю.

Глава 3. Первое дело

– Здорова, тощая, – кивает мне Витька Громов из параллельного класса.

Место встречи они, конечно, выбрали такое себе, за гаражами. Тут всё пропахло мочой и сигаретами, мне уже не нравится, но уйти я не могу.

– Не зови меня так, – сразу ставлю парня на место, пока позорная кличка не приклеилась ко мне навсегда.

Тот игнорирует мои слова и молча, не спеша прикуривает сигарету. Толкает своего дружка локтем в бок и кивает на меня:

– Пахан, я ж говорил, она зачётная, – протягивает мне сигарету, но я жестом отказываюсь, не курю и не люблю курящих. – И бабки ей нужны.

– А она нас не сдаст? Как пить дать, проколется при первом же шухере! – его подельник относится ко мне настороженно.

Его внешний вид не внушает мне доверия. Короткая стрижка, почти под ноль, потёртая кожаная куртка на два размера больше положенного, точно с чужого плеча, татуировки на шее. И сделаны они явно не в салоне, скорее на лавочке во дворе самодельной машинкой. Или вообще в местах, не столь отдалённых.

– Парни, я с вами, – заверяю его. – Мне деньги очень нужны, я что угодно сделаю.

А сама съёживаюсь под его пристальным взглядом. Есть в этом парне что-то пугающее.

– Что угодно, говоришь? – хищно смотрит на меня, задерживая взгляд на груди. – Давай, раздевайся!

Меня тут же бросает в холодный пот. В висках запульсировало, отдавая болью. Инстинктивно делаю осторожный шаг назад, будто это мне поможет, но от этих парней не сбежать. Перевожу испуганный взгляд на Витька в поисках поддержки, мол утихомирь своего дружка.

– Давай, заценим, – поддакивает он, скрещивая руки на груди.

– Мы т-так не договаривались, – заикаясь, едва слышно мямлю.

– Не ссы, это для дела, – достаёт какой-то пакет со шмотками и бросает мне под ноги. – Тебе переодеться надо.

– Зачем? Я и в этом могу, – смотрю вниз на свою одежду. Обычные потёртые джинсы и растянутая толстовка оверсайз.

– Неа, киса, так дело не пойдёт, – подходит ко мне ближе Пахан и хватает своей пятернёй за подбородок, больно, до синяков впиваясь пальцами в щёки. Вертит мою голову из стороны в сторону, рассматривая лицо, словно изучая. – Ты здесь из-за смазливового личика, пухлых губок, длинных ног и дерзко торчащих сисек, – второй рукой шарит по моему

телу, сжимая полусферы груди. – Поэтому давай показывай, чем собираешься удивить.

Задерживаю дыхание, боясь даже пискнуть, но вида не подаю.

– Полегче, – Витёк кладёт ему на плечо свою ладонь, чтобы успокоить. – Ты её напугаешь, и она сбежит. Где мы ещё тёлку то найдём? А без тёлки нам никак.

Пахан, немного подумав, резко отпускает меня на землю, да так, что у меня аж ноги подкашиваются, но я с трудом устояла, чтобы не упасть. Несмотря на липкий пот, бегущий по спине градом, и нарастающую панику в груди, гордо поднимаю голову вверх и с вызовом смотрю парню прямо в глаза.

– Не сбегу, – чеканю чётко, унимая дрожь в голосе.

– Смелая... Это хорошо, – Пахан самодовольно ухмыляется и, сплюнув, отходит в сторону, чтобы я могла переодеться, но отворачиваться и не собирается.

– Будешь смотреть? – решаю показать свой характер, уже не боюсь дерзить. Вижу, что понравилась ему.

– Буду, – кивает тот и делает затяжку.

Я никогда раньше ни перед кем не раздевалась, разве что перед мамой или врачом, но дать слабину перед этими парнями сейчас нельзя. Если они узнают, что я всего лишь скромная девственница, то не станут иметь со мной дела. Поэтому я, превозмогая стыд и желание прикрыться, раздеваюсь до нижнего белья и гордо выпрямляю спину.

– Бельё снимать? – стараюсь не выдать интонацией неконтролируемый страх.

Витёк, засмотревшись на меня, колеблется секунду или две, раздумывает, что ответить.

– Не надо, – прерывает его пошлые мысли Пахан.

А я облегчённо выдыхаю и мысленно, про себя, благодарю всех существующих и не существующих богов за то, что он не ответил «да». Кажется, я только что прошла какую-то неведомую мне проверку.

Быстренько шуршу по пакету в поисках того, чем можно прикрыть наготу, но нахожу лишь кожаные штаны и обтягивающую майку. И это всё? Но воротить нос поздно, надеваю, что есть.

– Волосы распусти, сиськи там приподними что ли, я не знаю, – кидает на меня придирчивый взгляд Пахан, явно чем-то недовольный. – Тебя должны все хотеть трахнуть!

– Да там и приподнимать ничего не надо, сиськи и так класс, – одобрительно кивает Витёк. – У меня почти встал. Прости за «тощую», не разглядел в твоём балахоне, в нужных местах у тебя всё как надо, сочное.

Он как бы невзначай поправляет свои джинсы в районе ширинки, а меня от этого жеста воротит. До чего же парни могут быть мерзкими. Взять для примера хоть моего отчима, который постоянно ходит при мне по дому в одних трусах и делает недвусмысленные намёки, пока мама не видит и не слышит. И ведь они искренне думают, что их похотли-

вые взгляды – это комплимент. И как некоторые девчонки умудряются в них влюбляться?

Кожаные штаны облегают мою фигуру настолько тесно, что я действительно задумалась, может стоило снять нижнее бельё, в них видна каждая складка. Чувствую себя голой, неудобно.

– Может, хоть куртку дашь? – распускаю волосы из хвоста, чтобы хотя бы плечи прикрыть.

На улице становится прохладно, и от холода мои соски стали ещё заметнее выделяться сквозь одежду. Витёк прямо пожирает мою грудь глазами, пуская слюни. Того и гляди, всё тут закапает.

– Неа, всё должно быть видно, – читает Пахан мои мысли.
– Ну ка повернись, – командует, – жопу покажи.

Неохотно исполняю.

– То, что нужно, – одобрительно кивает. – На байке кататься умеешь?

Глава 4. Новые знакомства

– Смотри, вот так тормозишь, вот так надо сделать, чтобы сильно газануть, – даёт мне последние наставления Пахан. – Готова? Всё поняла, что нужно делать?

Утвердительно киваю. Чего тут может быть непонятно-го? Моя задача – найти в потоке машин ту, что выглядит побогаче, желательно с блатными номерами, типа «777», а потом в пробке или на светофоре тормознуть рядом со стороны водителя и отвлечь его внимание на себя, пока парни незаметно обчищают его через открытое окно. Сумка, портфель, барсетка, пакеты, телефон – свистнут всё, до чего только смогут дотянуться. Погода сегодня подходящая, весь день стояла жара, а ночью, похоже, будет дождь, душно.

А мне в это время надо всего лишь активно флиртовать с мужиком, невинно хлопать глазками, сиськами посветить на крайняк, если придётся. Не хотелось бы конечно, противно всё это как-то, но парни обещали поделить выручку поровну, так что мне полагается тридцать процентов от улова, а это немало.

К тому же я, в отличие от них, по сути ничего криминального не делаю, просто болтаю с якобы понравившимся незнакомцем, так что ничем не рискую. Это очень хорошая возможность. Большая удача, что они выбрали именно меня.

– Тогда давай прокатимся вместе пару кругов вокруг гаражей, чтобы ты освоилась, – хлопает по кожаному сидению перед собой.

– Я же говорила, что раньше каталась. Справлюсь.

Мне не улыбается тереться попой о его ширинку всю дорогу. Встречалась я с одним, который на байке меня катал. Правда расстались мы тогда очень быстро, потому что он не только на своём мотике меня покатать хотел, а я была не готова, отказала, вот он меня и бросил спустя неделю после знакомства. Всем им, парням, только одного и надо.

Красота вообще пока не принесла мне в жизни ничего хорошего, лишь одни проблемы. Лучше бы мне вместо смазливового личика достались гениальные мозги или какой-нибудь творческий талант, музыкальный, например. Хотя, о чём это я?! Чтобы играть на музыкальном инструменте, надо его сначала приобрести, а у меня на это денег нет.

Собутыльники матери и отчима постоянно распускают руки, одноклассники тоже, хоть и дразнят нищей. По жизни не очень помогает, когда каждый встречный мужик норовит залезть тебе в трусы. Может хоть сейчас мне это пригодится, и удастся срубить немного бабла благодаря внешности.

– Погнали, мне ещё сестру спать укладывать, – с этими словами надеваю шлем, сгоняю Пахана с его же байка на соседний к Витьку, уверенно седлаю железного коня и трогаюсь с места, выезжая на ближайшее шоссе.

Обгоняю одну тачку, вторую, третью... Через несколько

минут теряю счёт проезжающим машинам и наслаждаюсь ощущением свежего ветерка в развивающихся волосах, безграничной свободой. Чистый адреналин дарит неподдельный кайф, разливающийся по венам. Я даже заскучала по бывшему, точнее по его байку. Так и хочется раскинуть руки в стороны и закричать что есть мочи, во все лёгкие. Но нельзя забывать и о деле, я здесь не ради вечерней прогулки.

В висках пульсирует, накалились все эмоции, обострилось и чувство несправедливости. Это не я, а мама должна думать о том, где взять деньги для нашей семьи. Это не я, а она должна по вечерам спешить домой, чтобы уложить Анютку спать. Понимаю, что папа не виноват, он этого не хотел, но, тем не менее, он нас бросил, оставил одних. Иногда я очень злюсь на него за это. Злюсь и скучаю одновременно.

С завистью смотрю на группу одноклассниц, неспешно идущих по тротуару вдоль дороги и беззаботно уплетающих за обе щёки шарики мороженого в вафельных рожках. Я должна быть с ними, обсуждать фасоны платьев, симпатичных парней и причёски на выпускной, а не вот это всё.

Кому-то в этой жизни везёт чуть меньше, чем остальным, но это не повод опускать руки. Жизнь дерьмо, как говорится, но мы с лопатой. У меня всё ещё будет: и платья, и парни, и деньги, и вообще всё, что только пожелаю. И начнётся моя новая жизнь сегодня, сейчас.

Оборачиваюсь в поисках парней. Они держатся неподалёку, но не прижимаются слишком близко, чтобы не вызывать

подозрений. Видок у них отбитый, словно у малолетних уголовников, а вот на меня никто плохого и не подумает. Я просто симпатичная молодая бунтарка, решившая проветриться перед сном. А приветлива, потому что не прочь завести новые знакомства с противоположным полом. И я отыграю эту роль на все сто, безупречно.

Моё внимание привлекает чёрная BMW x5-ой модели. Не самая дорогая тачка на этой дороге, но определенно самая приметная. Блестящая, словно новенькая, только из салона или прямиком с завода-изготовителя. А может просто на мойке бизнес-класса так надраили. Хозяин явно любит понтоваться, значит будет не против пустить пыль в глаза молодой симпатичной девчонке. И судя по всему он привык ощущать себя хозяином жизни, значит не будет ожидать подставы. Он наверняка ничего и не заметит, а когда спохватится пропажи, нас уже и след простынет. В общем, наш клиент.

Но дело даже не в представительном виде тачки, а в номерах. Три шестёрки. Редкая комбинация, возможно эти циферки обошлись хозяину дороже самой тачки. Будь я суеверной, объехала бы её стороной за три километра, но это не так, поэтому сажусь ему на хвост. Поправляю грудь, чтобы выигрышнее смотрелась, и на светофоре останавливаюсь прямо напротив водительского окна. Глубокий вдох, широкая улыбка, шоу начинается.

Снимаю шлем, якобы хочу поправить волосы, пока стоим девяносто секунд в ожидании зелёного света светофора,

и мило улыбаюсь симпатичному мужчине средних лет. Он, конечно же, меня заметил, не мог не заметить. Я потрянула волосами, оголив тонкие линии ключиц, прикусила нижнюю губу, как это часто делают героини в фильмах, и слегка помахала ему рукой. Ненавязчиво, но чтобы выделить его из толпы, обозначить мой интерес.

Мужчина ехидно ухмыляется в ответ, довольный собой и тем, какой сногшибательный эффект он якобы на меня произвёл. Есть что-то в этой улыбке настораживающее, но я сосредоточена на осмотре салона его авто. Окна открыты, на пассажирском сидении кожаный портфель, явно недешёвый. Надеюсь, он предпочитает наличку. Хотя мы сможем сбыть в ломбард что угодно, у Пахана там знакомый работает. Подаю мальчишкам оговоренный заранее сигнал руками за спиной с помощью жестов, обозначив жертву. Они мигают в ответ фарами, подтверждая, что готовы работать.

Глава 5. Неприятные последствия

На светофоре загорается зелёный, и поток машин трогается с места. Я слеую за «шестёрками», перестраиваясь вправо. Кажется, при этом что-то нарушаю, судя по недовольным гудкам, но зато в очередной раз обратила на себя внимание того самого мужчины. Он следит в боковое зеркало, еду ли я за ним. На очередном светофоре мы продолжаем игру в гляделки. Он заинтересован не меньше, чем я, вот только мотивы у нас разные. Незнакомец пожирает меня взглядом, смотрит с толикой похоти, и, судя по выражению лица, доволен увиденной картинкой. А мне только того и надо.

– Привет, куколка, – обращается он ко мне первым на заторе, приоткрыв окно, пока остальные нервно сигналият впереди стоящим машинам. – Есть восемнадцать?

– Что? – образ уверенной в себе покорительницы мужских сердец разбивается о прямолинейность одного из них.

Сердце в груди заходится тахикардией, словно маленькая робкая пташка бьётся о прутья тесной клетки. Ладони ментально увлажняются.

Вместо ответа он протягивает мне свою визитку и ещё раз мажет по мне оценивающим взглядом, будто я на выставке породистых собак, а он судья, решающий, дать ли мне ленточку победителя или нет.

Мне становится не по себе. Наверное, я переоценила свои силы, ввязавшись в эту авантюру. Но отступить некуда.

Протягиваю руку и беру карточку. Надпись на ней гласит: «Баринов Родион Петрович, специалист по подбору эксклюзивных кадров». И номер телефона на обратной стороне.

– Вы мне предлагаете работу? – неуверенно спрашиваю.

Написано же «кадры», вот я и ляпнула с дуру.

– Вроде того, – загадочно улыбается.

– Моделью? – он не знает о моих навыках, мог оценить только внешне.

– Лучше, детка. Ну так что, есть восемнадцать?

Пока я решала, как лучше ответить, парни уже начали своё «грязное» дело. Остальные водители отвлеклись на аварию впереди, Родион Петрович не сводил глаз с меня, а я старалась смотреть куда угодно, лишь бы не на Витьку, по пояс сунувшегося в окно чужой тачки и шарящего в бардачке.

Надо что-то ответить, продолжить беседу, увлечь. Сказать «да» – значит почти не солгать, ведь я стану совершеннолетней уже через неделю. Но отчего-то хочется ответить «нет» и не встречаться с этим типом больше никогда, даже если он будет обещать «золотые горы».

– Подумай, я не обижу, – голосок елейный, манящий, многообещающий.

Он будто дьявол, соблазняющий меня продать свою бессмертную душу, вот только пока не известна цена. Голос ра-

зума кричит держаться от него подальше. Но так интересно узнать, что же за работу такую он мне предлагает. Мне очень нужны деньги, и было бы здорово, если бы доход был официальным, без криминала, а самое главное – постоянным.

Пока я витала в облаках, началась какая-то возня.

– Ах вы черти! – закричал мужик. – Стоять!

Парни спалились и, набирая скорость, уже удалялись за горизонт, виляя между стоящими в пробке тачками, прихватив с собой портфель мужика. Пора и мне валить. Сую визитку в карман и трогаюсь с места.

– Ах ты сучка! – кричит мне вслед Родион Петрович, догадавшись, что я тоже в этом замешана, но слишком поздно, я уже далеко, ему меня не догнать.

Стараюсь ехать за парнями, но вскоре теряю их из виду. Шустрые, на опыте. Значит встретимся в назначенном месте, поворачиваю туда. На точке за гаражами во дворе я оказываюсь первой, через несколько минут подтягиваются и пацаны.

– Ну что? – нетерпеливо спрашиваю. – Есть там наличка?

В висках ещё стучит адреналин. Я готова сейчас пробежать стометровку за рекордно короткое время, так взбудоражена произошедшим.

Пахан шуршит по портфелю. Внутри кипа бумаг и пачка денег, перевязанная тонкой резиночкой. То, что нужно. Он, не разглядывая, отбрасывает бумаги в сторону, я только успеваю заметить на шапке заголовок «Договор оказания услуг личного характера по сопровождению», и приступает

к дележу награбленного. Не обманул, всё поровну, на троих.

– Держи, – протягивает мне сто тридцать шесть тысяч рублей налом.

– Кто вообще возит с собой столько наличных денег? – удивляюсь я, присвистнув. – Я думала, все уже давно перешли на безнал, особенно такие.

– Тебе что-то не нравится? – ехидничает Витёк. – Тогда давай сюда!

– Нет-нет! – спешно сую за пазуху свою долю. – Всё ок.

– Ну тогда вали. И не вздумай рот свой раскрывать! – нервно дёргается Громов, осматриваясь по сторонам.

– Успокойся, он нас не найдёт, – хлопает его по плечу Пахан. – Да и вряд ли станет искать. Для таких, как он, это копейки, пыль. А договора все пустые, не заполнены ещё, так что всё фигня.

– Парни, спасибо, – наконец-то прониклась я их щедростью.

Ведь могли же и не позвать, могли оставить ни с чем, или кинуть в лицо жалкую тысячу и отправить в пешее эротическое путешествие, а тут, получается, сдержали слово. До последнего не верила.

– Одежду оставь себе, – раздражённо бросает Витёк и гонит меня со своего байка.

Стремглав мчусь домой, не забыв забежать в магазин за шоколадкой. По пути думаю, куда бы лучше спрятать такую огромную сумму денег, в вентиляцию на кухне или в спальне

под скрипящей половицей.

Радостная, на эндорфинах, забегаю домой и ищу глазами Аню, но нахожу лишь пару чужих ботинок в прихожей. Сначала подумала, что отчим опять кого-то привёл, но постепенно начинаю понимать, что что-то тут не сходится. Слишком уж они чистые и дорогие для обычного забулдыги.

– Мам, у нас гости? – кричу, проходя на кухню.

– Доченька, – выбегает она в коридор. – Что это на тебе надето?

Одёргивает мою майку, прикрывая оголившийся пупок. Свой халат посильнее запахивает.

– Мам, что с тобой? У нас там что, английская королева?

Пытаюсь шутить, настроение прекрасное. Хотя странно, ей всегда было плевать, во что одеты её дети.

Моя довольная улыбка мигом улетучивается, когда за кухонным столом я вижу того самого мужика из тачки с «ше-стёрками».

– Ну здравствуйте, Маргарита Николаевна, – обращается он ко мне противным чересчур вежливым тоном.

Глава 6. Непристойное предложение

– Как вы меня нашли? – оседаю на шатающемся стуле по другую сторону кухонного стола.

Ой, мамочки, что сейчас будет?! Может, обойдётся, мужик вроде не выглядит рассерженным, наоборот, очень довольный, даже чересчур.

Он брезгливо озирается по сторонам. Чай перед ним, заботливо налитый моей мамой в лучшую кружку, не тронут. Но вид счастливый, будто в лотерею выиграл.

– У меня много полезных связей, – спокойно объясняет он. – Вы ведь даже не догадывались, с кем связались.

Витёк меня убьёт, если я их выдам, а Пахан ему поможет закопать моё бездыханное тело где-нибудь на пустыре, поэтому выход у меня только один – взять всю вину на себя и надеяться, что с мужиком можно будет договориться по-хорошему.

– Я вам всё верну, Родион Петрович. У меня, правда, нет на руках сейчас всей суммы, но я устроюсь на работу и отдам вам всё до копейки, клянусь. Со временем. В рассрочку.

Поднимаю на него испуганный взгляд. Тот факт, что он явился сюда один, без полиции, даёт мне надежду на поло-

жительный исход. Жаль только, что так и не куплю Анютке курточку на осень.

Мать стоит тихонечко в углу и пока не вмешивается в наш разговор, внимательно слушает.

– В рассрочку? – на лице мужика появляется широкая улыбка. – Оставь деньги себе, милая. Считай, что это задаток.

– Задаток за что? – спрашивает мама. – Вы предлагаете ей работу?

Её взгляд загорается, когда речь заходит о деньгах.

– Вроде того, – витиевато объясняется Родион Петрович. – Я предлагаю ей новую жизнь, где ни она, ни её семья больше не будет ни в чём нуждаться.

– Что я должна делать? – настороженно спрашиваю. Помню, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, у всего есть своя цена.

– Для начала ответить на вопрос, есть ли тебе восемнадцать, – сверлит меня взглядом мужик. Внимательно изучает лицо, каждую чёрточку.

– Ей через неделю будет, – встречается вперёд меня мать.

– Отлично, – потирает ладони Родион Петрович.

– А как мой возраст связан с вашим предложением?

– Напрямую, милочка, напрямую. Видите ли, я поставлю богатым и влиятельным людям редкие товары. Штучные, уникальные.

– А под «товаром» вы имеете ввиду...? – начинаю дога-

дываться я.

– Милых юных дев, – заканчивает он свою мысль.

– Вы говорите о сексе за деньги? – морщу я свой нос от омерзения.

– За очень большие деньги, красавица. Тебе такие и не снились.

– Спасибо, но я пас. Я лучше официанткой как-нибудь отработаю долг перед вами.

Он что на полном серьёзе предлагает мне стать проституткой?! Мерзкий гадёныш! Так вот кто он, сутенёр!

– Дочка, ты хотя бы дослушай Родиона Петровича. О каких деньгах идёт речь? – интересуется моя мама.

– Скажу прямо, ваша дочь украла у меня почти полмиллиона рублей, официанткой она будет отрабатывать эти деньги лет пять, не меньше. А приняв моё предложение, она сможет рассчитаться за один вечер, да ещё и в плюсе останется. Уж больно она у вас красивая, будет пользоваться спросом у мужчин. А если она ещё и девственница...

– Прекратите, пожалуйста, – останавливаю этот поток мерзости из его рта. – Я не согласна, хоть в тюрьму меня сажайте!

– Это можно, – спокойно объясняет мужчина. – А сестру тогда в детдом.

Внимательно смотрит на то, как я сжимаю в руках шоколадку, обещанную Ане.

– Что? Анютку не трожьте, она тут не при чём! Мама, ска-

жи ему!

Мама что-то невнятно мямлит в углу, не может собраться с мыслями.

– Ну как же не трогать?! Я, как добропорядочный гражданин, обязан сообщить куда надо, что малолетний ребёнок растёт в ужасающих условиях.

Понял, гад, где моё слабое место, и сейчас пользуется этим, давит на больное. Запрещённый приём. Подлый, как и он сам.

– Один звонок, и... – достаёт из кармана телефон.

– Не надо! – кидаюсь через стол. – Я согласна!

Как бы ни было противно даже обсуждать всё это, ради Ани я пойду на всё.

– Так вы девственница или нет? – довольно хихикая, переспрашивает Родион Петрович.

– Какое это имеет значение? – недовольно бурчу на него.

– Огромное, моя дорогая. В случае непорочности цена за ночь с вами возрастет многократно. Это хорошо и для вас, и для меня.

– Да, – обречённо выдыхаю. – Я девственница.

– Оральный секс был? Анальный? И не врите мне, я всё проверю, всё узнаю. Мои клиенты не терпят подстав.

– Нет, – с отвращением отвечаю. – И нет.

– Чудненько! – хлопает он в ладоши. – Я думал, что нашёл золото, а вы оказались настоящим бриллиантом, Маргарита Николаевна. Тогда увидимся через неделю, я вам позвоню.

А пока подыщу покупателей.

– А я могу... ну сама выбрать с кем...? – цепляюсь за призрачную соломинку. Всё равно это рано или поздно произойдёт, так какая разница с кем. Может он даже окажется приятным мужчиной и будет нежен.

– Это исключено. Вы достанетесь тому, кто больше предложит на закрытом аукционе.

– Аукционе? Меня что, будут разыгрывать на торгах как какой-нибудь кусок мяса? – казалось, что меня больше нечем удивить, но он смог.

– Подробности я сообщу позже, а пока не вздумайте уехать из города, это бесполезно, я вас найду. И не делайте глупостей. А вы, мама, позаботьтесь о том, чтобы ваша дочь и через неделю была так же прекрасна и невинна, – он сделал акцент на последнем слове, подчеркнув главное для него моё достоинство. – Совершеннолетние девственницы нынче большая редкость.

Глава 7. Один лишь раз

У меня была целая неделя чтобы привести свои дела в порядок. Деньги, полученные от Витька с Паханом в тот злополучный вечер, я отдала братьям: Стасу и Андрею. Матери не доверяю, пропьёт всё до последней копейки или, что ещё хуже, отчиму отдаст. Кстати об отчине...

Раз уж я такой ценный кадр, настоящий «бриллиант», решила воспользоваться связями Родиона Петровича. Он был довольно услужлив, несмотря на то, что шантажом вынудил меня продать свою невинность. Мы заключили официальный договор, один из тех, что мы тогда с пацанами нашли в его портфеле. И я, почувствовав свою значимость, выдвинула ряд условий. Первым было избавить нас от присутствия отчима раз и навсегда.

Не знаю, каким именно способом Родион Петрович и его люди решили данную проблему, но уже на следующий день мамкиного ухажёра как ветром сдуло. Собрал вещички и молча свалил. Лишь фингал под глазом и заплывшее лицо свидетельствовали о насильственных методах убеждения. Сначала мать убивалась, плакала, а затем, решив, что он ушёл к Зинке из соседнего дома, и что он её не достоин, напилась до беспамятства.

Вторым пунктом нашего договора было вылечить маму от

алкоголизма. Через три дня к нам домой явился какой-то доктор, прилизанный весь такой, в дорогом костюме, поставил маме капельницу, сделал укол и пообещал, что теперь у неё будет стойкое отвращение к спиртному. Не знаю, сколько продлится эффект, но пока держится. Вчера она даже сама отвела Анютку в детский садик и на обратном пути домой купила газету с объявлениями, смотрела вакансии. Когда-то она была учительницей в школе и буквально «горела» своим делом, очень любила работать с детьми.

В целом всё не так уж и плохо. В какой-то момент случившееся даже показалось мне невероятной удачей, а Родион Петрович стал для нас настоящим ангелом-хранителем. Кому ещё выпадает такой шанс?! Я всё равно рано или поздно лишилась бы этой девственности с каким-нибудь «козлом» за гаражами, который потом обманул бы меня и бросил, а так хоть денег заработаю. Я ведь об этом мечтала. Наверное...

Всё время настраивала себя, что это лёгкие деньги. Потерпеть часик-другой, побороть брезгливость и отвращение, пересилить страх и боль, и дело сделано. Всего один разочек, и это решит многие наши проблемы. А там заживём... Один лишь раз.

Не удержалась и попросила более опытную подругу научить меня сексу. Она, конечно, сначала рассмеялась, но потом показала мне пару порно-роликов в интернете. Что куда я и так знала, про боль и кровь тоже осведомлена, но хотелось деталей, быть подготовленной. Как себя вести, что го-

ворить...

В свой восемнадцатый день рождения я проснулась в волнующем предвкушении. Кто знает, может мне даже понравится. В кино ведь так показывают: женщина стонет и извивается от удовольствия, сминая под собой простыни, а мужчина красив, галантен, обаятелен и не скупится на разогревающие поцелуи.

– Лита, с днём лождения! – запрыгивает мне на кровать сестрёнка. – А мама тебе испекла толтик! Класивый, с лозочками!

– Это ты у меня красotka, – люблюсь её причёской. – Мама заплетала?

– Ага, – кивает белокурой головкой.

Я уже многим обязана Родиону Петровичу. Наша жизнь благодаря его стараниям стала меняться к лучшему. Я снова узнаю прежнюю маму, дома стало чисто и безопасно. Денег всё ещё не хватает, но скоро решится и эта проблема, как только получу гонорар за свою первую ночь с мужчиной.

Ах, даже не верится, что сегодня я стану настоящей женщиной. Хоть бы он был молод и красив.

– Дочка, – стучит мама в дверь моей комнаты. – За тобой приехали.

Мнётся у порога, нервно крутит кухонное полотенце в руках.

– Как? Уже? Ведь только девять утра!

В комнату заглядывает незнакомый мужчина и поторап-

ливаает меня:

– На десять часов у вас запись в салон красоты. Необходимо привести вас в порядок перед... мероприятием.

– Ой, здравствуйте, – прикрываюсь одеялом. – Да не надо в салон, я дома душ приму.

– Велено доставить вас в салон, поторопитесь, – командует мужик, стуча кончиком пальца по часам на запястье.

Он, как и я, всего лишь наёмный работник и ничего не решает, поэтому спорить не стала.

– Дайте нам минутку, – обращается к нему мама. – Анюта, иди разбуди братьев.

Девчушка резво соскакивает с моей постели и бежит в комнату Андрея и Стаса, напевая песенку из любимого мультика про котов.

Мужик рапортует, что будет ждать в машине у подъезда, и удаляется. Мама проходит в комнату, прикрывая за собой дверь.

– Доченька, – присаживается мама на краешек кровати. – Я ведь никогда с тобой об этом не говорила, но, наверное, пора.

О, нет... Она действительно собирается провести со мной нравоучительную беседу о пестиках и тычинках?! Поздно-вато...

– Не надо, мам, – обрываю её на полуслове. – Лучше позаботься об Ане и братьях. Большого мне от тебя не надо.

Со мной уже всё упущено, былых тёплых отношений не

вернёшь. Я никогда не прощу ей её слабость. Когда папа умер, это она должна была позаботиться о нас всех, а не я.

– Прости меня, дочка, – прячет лицо в полотенце, утирая слёзы.

Понимаю, что надо обнять её, но меня это не трогает. Поздно, мама, плакать, раньше надо было. Например, когда предлагали купить твою родную дочь, словно скотину на базаре. Или, когда грозились младшенькую в детдом забрать. А тебя лишь мужики волновали да бутылки. Ну и деньги ещё.

– Мам, мне пора. Просто больше не пей, пожалуйста, и всё будет хорошо.

Спешно одеваюсь и выхожу из комнаты, даже не оглянувшись на маму.

– Анютка, я скоро вернусь. Обещаю, что завтра мы с тобой пойдём в парк аттракционов, – целую на прощание сестру.

Прощаюсь с братьями, пробую розочку с торта, мазнув по нему пальцем, и выхожу из дома. Тогда я ещё не знала, что больше сюда никогда не вернусь.

Глава 8. Аукцион

Запрыгиваю в представительного вида тачку у подъезда без раздумий. Она одна тут такая, выделяется, не ошибёшься.

– Ой... привет, девчонки.

На заднем сидении уже сидят две молодые девушки, они теснятся, и мы устраиваемся втроём. Наверное, такие же как я, «бриллианты».

– Привет, – машет рукой та, что сидит подальше, нежная блондинка. – Меня Маша зовут.

– А я Алёна, – та, что посередине, жгучая брюнетка, выглядит чуть старше нас, да и фигура у неё далеко не девичья, упругая троечка в обтягивающем декольте. – Шампанского хочешь?

Неуверенно озираюсь по сторонам. Не лимузин, но салон довольно просторный, и мини-бар даже имеется.

– Не ссы, халява, – разливает она по бокалам игристый напиток и протягивает нам с Машей.

– Спасибо, – принимаю бокал из рук девушки, но только делаю вид, что пью. Мало ли, я их совсем не знаю, может подмешали что. Да и на голодный желудок это такое себе удовольствие. – А ты, я смотрю, тут своя в доску.

– Ага, я по третьему кругу уже, – задорно хихикает она.

– Я думала, только девственниц берут, – встречается Маша.

– Так я девственница и есть. Можешь проверить! – лучезарно улыбается Алёнка.

– Нет уж, благодарю, – мотает головой из стороны в сторону скромная Мария. – А как так-то?

Мне и самой стало жутко любопытно, но не настолько, чтобы самой расспрашивать.

– Пластическая хирургия нынче творит чудеса. И причём недорого! – гордо хвастается грудастая. Может и они у неё не настоящие, силиконовые?

– Восстановление девственности? Серьёзно? Никогда о таком не слышала! – восхищается Маша. Наматывает на ус, вдруг пригодится.

– А если узнают? Это же обман, получается, – тихонько поправляю её, Машиного восторга не разделяю.

– Так я не только там зашила, но и носик подкорректировала, а ещё сменила причёску и цвет волос, – осушает свой бокал Алёна и наливает следующий. Я вновь делаю фальшивый глоток для вида. – Во второй раз же не узнали, и в третий не спалюсь. Я ещё фамилию поменяла.

– Ну не знаю... Значит, тебе понравилось в первый раз? – во мне теплится надежда, что всё будет не так ужасно, как я себе представляла.

– Ага, особенно когда гонорар получала, – кивает Алёнка, но при этом морщится. Похоже, деньги – единственное приятное воспоминание.

Ну ничего, это всего одна ночь. Даже не целая ночь, а час. Ведь так? Стараюсь себя не накручивать, но некая нервозность уже появляется.

– Да вы расслабьте, девки, день проведёте кайфово, вам понравится, – вытягивает она ноги и сбрасывает туфли.

– А ночь? – дрожащим голосом спрашивает Маша.

– А ночь как повезёт, – пожимает она плечами. – Запросы у мужиков бывают разные.

– Расскажи, – шепчу едва слышно. Водитель наверняка подслушивает.

– Первый раз ещё ничего был, правда он очень долго не мог... ну того... финишировать. А вот второй...

– Что? – с придыханием, чуть ли не теряя сознание, произносит блондинка.

– Не хочу вспоминать, – грустнеет Алёна, но тут же натягивает фальшивую улыбку. – Да нормально всё будет, я выжила, и вы сможете.

Дальше мы ехали в полной тишине, каждый думал о чём-то своём.

Родион Петрович устроил нам настоящий релакс в SPA-салоне на целый день. За исключением восковой эпиляции, мне всё понравилось. Увлажняющие маски, ароматные скрабы, маникюр, макияж... И совершенно бесплатно! Нам даже обед принесли: какие-то салаты с морепродуктами, которые я попробовала первый раз в жизни.

Я начинала понимать, почему Алёна втянулась. Вот это

жизнь! Все такие вежливые, обходительные, приносят то, уносят это, открывают перед нами двери, заискивающе улыбаются. От такой жизни сложно отказаться, попробовав её однажды.

Затем нас отвезли в какую-то гостиницу в центре города. Судя по убранству холла, очень дорогую. А что, удобно, сразу в номер. Но в номера нас не повели, а проводили в гримёрку за актовым залом.

Меня сразу же насторожило, что в гостинице не было других постояльцев, лишь персонал, и тот довольно скудный для такого огромного здания. Раздающееся эхом цоканье каблучков администраторши наводило на меня мандраж. Маша тоже заметно нервничала.

– Они специально выкупают на сутки всё здание на время проведения аукциона, – сообщила нам шёпотом Алёна.

– Кто они? Какого аукциона? – не моргая, смотрит на неё блонди.

– Ты как с луны свалилась, – потешается над ней наша новая бойкая подружка. – Они – это организаторы. И да, будет аукцион.

– А лоты на этом аукционе – это мы трое, – подытоживаю я, догадавшись.

Я не ожидала такого масштаба, думала, всё будет тихо, быстро и скромно. Но, похоже, богачи не могут обойтись без пафосного мероприятия, даже если совершают что-то незаконное.

– Одевайтесь, – кивает администратор на стойку со свадебными платьями. – Через пол часа начинаем.

– Свадебные платья? – кошусь на Алёну с подозрением, когда за нами закрывается дверь. – Что за маскарад?

– Ага, – кивает она и примеряет первое попавшееся, но оно не сходится на пышной груди. – Мужикам нравится, когда мы в белом. Типа мы невинные чистые невесты. Не пытайся понять их логику, у богатых свои причуды.

– Невеста на одну ночь, – нервно хихикает Маша и прикладывает к себе нежно-кремовое струящееся платье, глядя в большое зеркало на стене. – Извращенцы.

Глава 9. Покупатель

– Девушки, ваш выход, – заглядывает в гримёрку администраторша, поторапливает нас, добавляет финальные штрихи в виде фаты. – Вас по очереди будут приглашать на сцену. Ваша задача молча стоять и улыбаться, а также беспрерывно подчиняться. Скажут покрутиться – делаете, попросят снять фату – не медлите, исполняйте. Все всё поняли?

Киваем. На Маше просто лица нет, я тоже очень волнуюсь, и лишь Алёна бодрa и весела, сушит отбеленные зубки, демонстрируя все разом. Наверное, репетирует. Поправляет своё богатство в декольте, выставляя как можно больше на всеобщее обозрение, и встаёт в нашей небольшой шеренге первой.

Она выбрала самое пышное платье, словно и правда какая-нибудь всамделешная невеста, с корсетом и множеством подъюбников. Я же решила не выделяться и надела нежное струящееся платье по фигуре, подчёркивающее тонкую талию и оголяющее изящные ключицы.

Теперь вся эта затея не кажется мне такой уж привлекательной. Аукцион – это как-то унижительно. Меня будут рассматривать со всех сторон, оценивать, предлагать цену, как за кусок сочного мяса. Я в прямом смысле товар, и не имею право выбрать покупателя.

А что, если он мне не понравится? Вот категорически от слова совсем. Окажется толстым лысым стариком. Мерзким, потным... Смогу ли я перебороть отвращение и подступающую к горлу тошноту? Я никогда раньше не задумывалась, как выглядят без одежды такие мужчины. Даже модельной внешности подтянутые красавцы в порно выглядели... странно. С этими их огромными... штуковинами. И густыми чёрными волосами по всему телу...

Нас вывели на подобие сцены, а точнее за неё. Мне удалось незаметно выглянуть из-за тяжёлых портьер и одним глазком осмотреть зал.

Маленькие круглые столики, штук двадцать-тридцать, не больше, расслабляющая музыка, приглушённый свет. Между столиками снуют официантки с напитками. Все мужчины в деловых костюмах, словно на совещании, лишь немногие сняли пиджаки и закатали рукава на рубашке по локоть, немного расслабившись. На некоторых из них надеты маски: элегантные чёрные вокруг глаз, не скрывающие лицо полностью, но позволяющие остаться инкогнито.

Толстяков и стариков среди них вроде нет, и это радует. Большинство средних лет, ухоженные, спортивного телосложения. Но что меня поразило, так это то, что среди присутствующих были и женщины, парочка мужчин пришли со спутницами. Очень интересно... О любви втроем в контракте речи не было.

– Первая пошла! – шлёпает Алёну по заднице девушка-ад-

министратор и даёт отмашку ведущему.

– Уважаемые господа и милые дамы, мы начинаем. И я с огромным удовольствием представляю вам первый лот нашего эксклюзивного закрытого аукциона.

Я не сразу признала со спины Родиона Петровича, но голос его узнала безошибочно. Ведущим был именно он.

– Вы только посмотрите на фигуру, – расхваливал он свой «товар», то есть Алёну. – Уверю вас, всё натуральное.

Мы и правда прошли всевозможные проверки у врачей перед подписанием контракта. Гинеколог из частной клиники проверил, не врём ли мы насчёт невинности, и выдал соответствующую справку. А также на всякий случай взял мазки на инфекции, мало ли.

Алёнка, довольная собой, крутила на сцене то задом, то передом, ловя восторженные взгляды мужчин и завистливые женщин, а я искренне поражалась её жизнелюбию и самоуверенности. Я так подать себя не смогу.

– Начальная цена пятнадцать миллионов рублей, дамы и господа. Кто готов дать за ночь с этой красоткой пятнадцать миллионов? Мужчина слева, ваша ставка принята... – тараторил Родион Петрович, едва успевая за «лесом» рук в зале. – Двадцать миллионов справа, двадцать пять от женщины в красном.

Ставки продолжали расти, а мы с Машей, округлив глаза, переглянулись с открытыми ртами. Нам по договору была обещана лишь малая часть от этой суммы, совсем крошеч-

ная. Ничего себе у них накрутка за посредничество! И ведь есть на свете люди, готовые заплатить такие деньги за одну лишь ночь, за возможность стать первым мужчиной у незнакомой девушки!

Маша как раз собиралась что-то мне сказать, но нас прервал звон разбитого стекла, доносящийся из зала. А затем один из мужчин за столиком наотмашь ударил по лицу официантку, уронившую его бокал. И что самое поразительное, никто на это не обратил никакого внимания. Точнее обратили то, конечно, все, но никто не придал этому значения, не вступился за девушку, будто так и надо. Наоборот, это она извинялась, ползая в ногах у мужчины и собирая осколки стекла, а он лишь брезгливо оттолкнул её ногой, словно собаку дворовую, обозвав парочкой нелицеприятных слов, которые она в свой адрес явно не заслужила. Вот тут-то мы и поняли, что отнюдь не в сказку попали.

– Продано! – громко крикнул Родион Петрович и звонко хлопнул в ладоши, как торговец на базаре. Даже когда у официантки пошла кровь из пореза на руке, он не остановил торги. – За тридцать пять миллионов рублей. Можете забрать ваш выигрыш!

Но Алёна, не дожидаясь, когда мужчина встанет и пройдёт за ней к сцене, смело и ловко пробежалась по ступенькам вниз, удерживая за подол платье, и игриво плюхнулась к нему на колени. Кстати, к тому самому, что ударил официантку.

– Можете проследовать в пентхаус, а остальные не отчаивайтесь, у нас впереди ещё две невесты! – продолжал ведущий.

Следующей вышла на сцену Мария. Робко, несмело, но это лишь раззадорило потенциальных покупателей. Торговались за ней ещё охотнее, в итоге ушёл с торгов данный «лот» за пятьдесят миллионов.

Меня оставили напоследок. Выходя на сцену, я пыталась унять нервную дрожь, но коленки всё равно подкашивались, заставляя ноги путаться в складках платья. Ладони от волнения вспотели, но вытереть их о подол я не решилась, уж больно платье дорогое на вид, не хватало ещё испортить.

– Только взгляните на это симпатичное кукольное личико, – вещал в микрофон ведущий, подбадривая толпу, немного потерявшую интерес к происходящему. – Фигурка стройная, как тростиночка. Кожа нежная, бархатная, – продолжал он меня нахваливать.

– Пятьдесят пять, – выкрикнул басом амбалистого вида мужчина в маске на заднем ряду и поднял руку, перебив рекордную Машину ставку.

– Шестьдесят, – подняла изящную морщинистую ручку дама в первом ряду, кивнув своему спутнику, который был явно моложе её лет на двадцать, а то и тридцать.

– Шестьдесят пять, – настойчиво продолжал широкоплечий мужчина.

А я не то что крутиться и демонстрировать свои немного-

численные достоинства не в состоянии, боюсь даже дышать. Стою ни живая, ни мёртвая. Глазами хлопаю и считаю удары сердца, которое трепетно задевает рёбра, забывая биться через раз.

Это всё похоже на сон... Кошмарный сюрреалистический сон.

– Семьдесят, – предлагает уже молодой спутник пожилой дамочки, не дожидаясь, пока его благоверная соизволит озвучить ставку.

Видимо, я ему приглянулась. Но присутствие старушки меня смущает. Хоть бы я досталась тому здоровому мужику... Вид у него, конечно, устрашающий, но из двух зол, как говорится...

– Какая оживлённая борьба! – довольно улыбается Родион Петрович, потирая ладони. – Кто предложит больше?

– Девяносто, – не скупится амбал в маске.

Старушка тыкает острым локтем в бок своего парнишку, и тот, собравшись уже было поднять руку, опускает её и замолкает. Очевидно, бюджетом в семье распоряжается дама.

– Отлично, девяносто миллионов! Кто-нибудь перебьёт эту ставку? – озирает заискивающим взглядом зал Родион Петрович. – Продано!

А я неожиданно вздрагиваю, будто от стука деревянного молотка.

Ого, девяносто миллионов... Что же мне такое предстоит сделать, чтобы оправдать такие затраты? Я ведь ничего в по-

стели не умею.

– Милочка, – берёт меня под локоть ведущий, – пройдите в зал к своему спутнику.

А я боюсь пошевелиться. Надо идти, но так не хочется.

Глава 10. Раздевайся, девочка

Амбал проталкивается к сцене и, поднявшись ко мне, подхватывает свой приз на руки. Только охнуть я и успеваю. Сильный то какой!

Он так и нёс меня на руках до самого лифта, а потом и в номер занёс. Ему, похоже, доставляло какое-то особое удовольствие то, что я для него лёгкая, как пушинка, а он такой большой по сравнению со мной, что в его стальной медвежьей хватке даже становится тяжело дышать. Как представлю эту громадину сверху на мне, так плакать хочется. Но мамочки здесь нет, сопли мне подтереть некому, поэтому беру себя в руки и натянуто улыбаюсь, глядя в глаза своему спутнику на вечер.

– Выпить чего-нибудь хочешь? – спрашивает он меня грудным басом, поставив на ноги.

Озираюсь по сторонам и ахаю от удивления. Номер вдвое больше моей квартиры! А как роскошно обставлен, будто с картинки глянцевого журнала.

– Вино? Шампанское? Крепче ничего не предлагаю, не люблю пьяных, – заглядывает он в мини-бар. – Предпочитаю, чтобы девчонка была в сознании и запомнила меня.

Такого хрен забудешь!

– Спасибо, я не пью, – обнимаю себя за плечи, перемина-

ясь с ноги на ногу.

Вот же я дуручка, в ту же секунду пожалела, что отказалась. Во-первых, это явно не та дешёвая бурда из катонной коробки с краником, что пьют мои ровесники во дворе, когда я ещё такое попробую? Во-вторых, алкоголь меня хотя бы немного расслабил, обезболил бы в конце концов. Может разогнал бы облако страха, нависающее надо мной.

Мужчина подходит ко мне ближе, и лишь сейчас я осознаю весь масштаб его фигуры. Буквально. Ростом под два метра, весом под центнер – этот мужчина просто пугающих размеров. Я рядом с ним выгляжу как ребёнок.

– Как тебя зовут? – указательным пальцем поднимает мой подбородок вверх, заставляя заглянуть ему в глаза.

– Р-рита, – испуганно мямлю.

Я словно маленькая мышка в лапах здорового кота, и он хочет вдоволь наиграться со мной, прежде чем съесть.

– Рита? – уголок его губ ползёт вверх. – А чего поинтереснее имя не придумала?

Неопределённо пожимаю плечами. Не догадалась, что можно представиться любым именем, а не только своим настоящим.

– А вас? – полушёпотом спрашиваю. – Как зовут?

– Виктор-р, – чуть ли не рычит он на меня, нагоняя страха. Кажется, его заводит, когда я вот так пугаюсь, вздрагивая.

Виктор – это же победитель? Что ж, ему подходит.

– А можно снять маску? – немного смелею, когда он от-

ходит на шаг от меня, позволяя дышать полной грудью.

– Валяй, – безразлично бросает он.

Кончиками пальцев аккуратно, едва уловимо, касаюсь его лица и стаскиваю вниз полоску чёрного шёлка с прорезями для глаз. Вглядываюсь в мужественные черты лица. Я ещё никогда не видела взрослого незнакомого мужчину так близко.

У глаз мелкая сеточка морщин свидетельствует о том, что мой мужчина намного старше меня, ему около сорока. Тонкие неглубокие бороздки на лбу говорят о том, что он много мурится и мало улыбается.

В какой-то степени его можно назвать красивым. Даже небольшой шрам на правой щеке не портит его. Провожу указательным пальцем по красной линии, и он тут же перехватывает мою руку за запястье, причинив небольшую боль.

– Моя очередь, – жёстко сказал, как отрезал. – Раздевайся, девочка.

Командует, ожидая беспрекословного подчинения.

Воздух вокруг нас вмиг становится тяжёлым, душным. Мне не хватает кислорода, я начинаю задыхаться. Глубокий вдох, ещё один, не помогает. Голова начинает кружиться. Все тело окутывает липким страхом.

Что я творю? Я совершенно не готова! Точно не сейчас и не с ним! Да он мне в отцы годится и весит вдвое больше меня!

– Пожалуйста, не надо, – прошу севшим от страха голо-

сом.

Его чёрная, как смоль, бровь выгибается в изумлении.

– Не понял, – басит он. – Я по-твоему за простую болтовню столько бабок отвалил?

Мотаю головой, вжимаясь в стену. Я знала, на что иду, но...

Он проводит шершавой подушечкой большого пальца по моей нижней губе, оттягивает её и впивается в рот жалящим поцелуем. Жадным, властным, захватывая мой рот в плен своих желаний.

Не то чтобы это был самый ужасный в жизни первый поцелуй, но на лучший тоже явно не тянет. Его язык насильно толкается мне в рот, перекрывая доступ к кислороду. Я приоткрываю губы, боясь, что, если буду сопротивляться, станет только хуже. Лучше не злить его сейчас.

Своими огромными лапищами он хватается меня за шею, не позволяя двинуться с места. Затем ладонь ползёт вниз, сминая нежную полусферу груди. Охаю от неожиданности, выдыхая ему прямо в рот. Он ловит губами мой полустон и улыбается.

– Я не обижу, – хрипит, упираясь своим лбом в мой. – Ещё и чаевые оставляю, если понравится. Но придётся поработать, куколка.

Отстраняется, сверля мои губы затуманенным взглядом. Чёрным, как сама ночь, похотливым. Ещё раз проводит по припухшей от поцелуя нижней губе пальцем, погружая фа-

лангу мне в рот. Медленно скользит внутрь, затем обратно, размазывая слюну.

Толкается в меня чем-то твёрдым на уровне пупка. Моего пупка, его паха. И что-то мне подсказывает, что это не телефон в кармане его брюк.

Я получаю небольшую передышку, когда мой мужчина отвлекается на возню в коридоре. Там какой-то шум, крики, но меня гораздо больше волнует происходящее здесь.

– Да что там происходит? – это явно мешает ему сосредоточиться.

Виктор широко распахивает дверь, и я вижу Алёну в разорванном платье, убегаящую от своего спутника. На губе кровоподтёк, под глазами разводы потёкшей от слёз туши для ресниц.

Навстречу ей выбегает откуда ни возьмись взявшийся Родион Петрович, встаёт между девушкой и своим клиентом. Сначала я решила, что он хочет её защитить, но ошиблась. Он сверлит её гневным взглядом, умоляя разбушевавшегося мужчину успокоиться. С опаской косится на Виктора, но попросить закрыть дверь не решается.

– Думали подсунуть мне обычную испорченную девку, и я это проглочу, не замечу подлога? Да я уже трахал её! – кричит мужик в гневе.

Видимо, узнал Алёну даже с переделанным носом и новым цветом волос. Похоже падок он на грудастых, раз снова купил эту девушку. А вот Родион Петрович её не признал.

– Этого не может быть! – заверяет его ведущий аукциона.
– Мой врач лично их всех проверил!

– Значит говно твой врач! Думаешь, если дырку зашила, настоящий мужик не поймёт, что ты обычная шлюха? – обращается он уже к девушке, грозя ей пальцем и брызжа слюной.

Но узнать, чем дело кончилось, я не смогла. Виктор, потеряв интерес к происходящему, демонстративно громко захлопнул дверь.

Жаль, конечно, Алёну, но у меня тут своя драма намечается. Черты лица Виктора, и до этого немного грубоватые, ожесточились.

– Ты ведь не такая же фальшивка, как твоя подруга? – рычит на меня, словно зверь.

А я ни слова вымолвить не могу в ответ, лишь сильнее вжимаюсь в стену от страха. Глубоко вбираю в себя воздух и медленно выдыхаю, просто чтобы немного успокоиться. Смотрю на входную дверь, может удастся удрать.

– Не вздумай обмануть меня, девочка, или сбежать, – проследил он за направлением моего взгляда. – Поймаю, будет хуже – сделаю больно. Ты моя, Р-рита.

Меня от этого его рычащего произношения прям корбит. Никогда больше не буду пользоваться этим именем, отныне только Марго и никак иначе.

Закрываю глаза и с покорностью принимаю свою судьбу.

Глава 11. Боишься меня?

– Боишься меня? – подходит ближе, почти вплотную. Я отшатываюсь.

– Да, – признаюсь честно. Ещё как боюсь!

Только сейчас я понимаю, что уже сижу на кровати. Не помню, как мы так быстро сюда переместились. Испуганно смотрю на Виктора. Сердце выстукивает неровный ритм.

Чувствую дикое смущение. Мне даже страшно подумать... Он ведь такой большой и мускулистый. А там... меня вообще может ждать большущий сюрприз.

– Не бойся, девочка. Я лишь возьму своё по праву, не причиню тебе вреда. Я буду аккуратен, – обещает. Почему-то верю его словам, но...

– Я не хочу... Пожалуйста...

Он берёт меня на руки и прижимает к себе, поглаживает по плечам. Я оказываюсь в крепком захвате, хочется расплакаться от безысходности.

Вскидываю на него глаза и понимаю, чего хочет этот огромный мужчина. Заполучить и присвоить меня себе. Обладать моим телом. Мне остаётся только расслабиться и довериться ему. Но смогу ли я?

– Ты красивая... – грубые подушечки пальцев касаются моего подбородка. Я покрываюсь мурашками.

Набираюсь смелости и дрожащей рукой касаюсь его шеи. Под ладонью прощупываются стальные мышцы. Прикрываю глаза и отдаюсь во власть его поцелуя. Он раскрывает мой рот и толкается внутрь языком.

В этот раз намного лучше, почти приятно. Его ручищи скользят по моей груди. Низ живота наполняется свинцом, тянет, скручивается.

Он бросает меня на кровать и властно нависает сверху. Такой большой, такой сильный, раздавить может, но держится на одной руке, а второй бесстыдно исследует моё тело.

Лёгкая ткань платья ничего не скрывает, напротив, через струящийся шёлк проглядывают ставшие твёрдыми соски. Он тянет платье вниз, слышится треск разрываемой ткани, но его это не останавливает, и вот моя грудь обнажена. Разрывает поцелуй и опускается ниже, вбирает в себя сосок и отпускает.

– Ах... – издаю непроизвольный стон, то ли от удовольствия, пронзившего молнией, то ли от удивления, что это не больно. Всё ещё безумно стыдно, ужасно страшно, но не так противно, как я себе представляла.

Я немного расслабляюсь, но всё равно чувствую, что ещё не готова.

Виктор хрипит, будто не в состоянии уже терпеть. Его рука перемещается вниз, задирая моё платье, а через мгновение слышу звук расстёгивающейся ширинки, и его твёрдое желание упирается в меня, прямо между ног.

Пытаюсь их сомкнуть, но между ними такая громадина, что ни на миллиметр не удаётся. Его торс такой широкий, что я с трудом обхватываю его ногами.

Я ахаю. Сквозь затуманенное разными эмоциями сознание я пытаюсь взять контроль над телом, извернуться, убежать, но не выходит. Одной рукой он притягивает меня к себе, второй удерживает мои руки над головой.

Чувствую, как внизу всё натягивается, как его член упирается в меня и медленно входит, растягивая, наполняя собой. Я всхлипываю от боли и обхватываю его массивные плечи руками, впиваюсь ногтями в кожу.

– Тш-ш-ш... Уже всё...

Внизу очень болезненно жжёт, там, где мы соединяемся. Я полна им, во мне мужчина, почти что незнакомый человек. Слезы застилают глаза от боли и унижения. Единственное, что хоть как-то сглаживает неприятную для меня ситуацию – его восторженный взгляд на меня. Приятно быть чьим-то сокровищем. Драгоценностью. Бриллиантом.

Когда птицы ещё только начинали своё нежное щебетание за окном, радуясь новому дню, я с ужасом распахнула глаза. Долго-долго моргала, пытаюсь понять, где я. Воспоминания о вчерашнем вечере проносились перед глазами ярким калейдоскопом. Девочки, аукцион, мужчина...

Вчера я стала женщиной! Коснулась кончиками пальцем горячей промежности и поморщилась от боли. Виктор не

был со мной излишне груб или жесток, но был неумолим. Он взял всё, что хотел.

Откуда-то из груди разрасталось чувство дикой обиды на судьбу и отвращение к самой себе. Захотелось принять душ, смыть с себя эту грязь. Терпкий запах его семени, солёный аромат моего пота... Вообще не чувствовать запахов.

Так я и поступила, улизнула в душ, пока Виктор ещё спит, и тёрла себя мочалкой до покраснения. Но сколько бы я не мылилась, аромат геля для душа казался мне недостаточно ярким, а кожа недостаточно чистой. Горячая вода тонкими струйками стекала по моему лицу, скрывая слёзы.

Моя светлая, почти мраморная кожа была покрыта синяками и кровоподтёками. Виктор очень страстный мужчина и в порыве чувств не всегда себя контролировал, но это меня сейчас волновало меньше всего. Я безумно хотела забыть обо всём этом, как о кошмарном сне, и поскорее вернуться домой к сестре.

Пока я стояла под горячим, почти обжигающим водопадом с закрытыми глазами, прислушиваясь к успокаивающему шуму льющейся воды, не заметила, как дверцы душевой кабинки распахнулись. Виктор с трудом протиснулся внутрь и прижал меня к холодной кафельной стене, впиваясь в рот жалящим поцелуем.

Вот так без лишних слов он брал, что хотел. И судя по вздыбленному мужскому достоинству, хотел он сейчас продолжения вчерашнего. Его взгляд выражал крайнюю степень

возбуждения и был настолько обжигающим, что я стыдливо опустила глаза вниз. Но лучше бы я этого не делала... Громадина, подрагивающая между его ног, пугала меня ещё больше. И как он только вчера во мне весь поместился... Не удивительно, что мне так больно.

Отворачиваюсь, чтобы не рассматривать его. Не хочу запечатлять в своей памяти эти ужасающие бугры мышц на его груди, массивные широкие плечи, огромные волосатые руки.

Виктор ловко подхватывает меня на руки, разводя мои ноги в стороны, и насаживает на свой член. Тихонько всхлипываю, но уже не так больно, как вчера. Он прижимает меня спиной к стене, слегка выходит и толкается в меня снова. Замираю от понимания, что на смену непривычным ощущениям и боли приходит что-то новое.

Дыхание сбивается. Виктор обхватывает меня за ягодицы и приподнимает, а затем снова насаживает на свой твёрдый ствол. И снова. Раз за разом подтягивает меня вверх и отпускает.

Он проникает глубоко, на всю длину, движения хаотичные, жадные. Боль сходит на нет. Я царапаю его спину и пытаюсь сосредоточиться на маленьком огоньке в моём животе, разливающимся теплом по всему телу. Из горла вырывается жалкий стон, смешиваясь с его звериным хрипом.

Он довольно рычит, движется уверенными толчками и через несколько безумных мгновений замирает во мне, изли-

ваясь. Дрожит от сладостной разрядки. Вижу, как на его шее пульсирует венка в ритм зашкаливающему пульсу. А я дрожу, как осиновый лист, боясь пошевелиться.

Он опускает меня на пол, придерживая рукой, чтобы я не упала, так как ноги предательски дрожат и совсем не держат. Я пулей выскакиваю из кабинки, получив долгожданную свободу, и принимаюсь одеваться, даже не обтерев мокрое тело полотенцем.

– Куда-то собралась, куколка? – преградил мне путь своим массивным телом Виктор. – Теперь ты моя, забыла?

Глава 12. Золотая клетка

– Но... но я думала, что речь идёт лишь об одной ночи, – заикаясь, произношу я, отступая на шаг назад и упираясь задом в столешницу раковины.

– Решила от меня поскорее отделаться? – ухмыляется он.
– Неужто настолько не понравилось? – приближается, словно хищник, загоняющий добычу в угол.

Прижимаю к себе платье, пытаюсь прикрыться. Сердце грохочет в груди. Адреналин заглушает все окружающие звуки.

– Н-нет...

Признаться честно, сегодня было даже немного приятно. Совсем чуть-чуть.

– Ничего, потерпишь, – заявляет он, отмахиваясь о меня, кажется разочарованно.

– Но в договоре... – замолкаю на полуслове под суровым мужским взглядом.

– А ты что юрист? Любой договор можно обойти, найти лазейки, девочка. Ты мне приглянулась, хочу тебя оставить.

– Но я... – хотела сказать, что хочу домой, но не решилась перечить. Вид у этого мужчины опасный.

Я не боюсь физической расправы, но его связи могут попортить жизнь моей семье. До сих пор бросает в дрожь, как

вспоминаю слова Родиона Петровича о детдоме. Мама, конечно, у нас на премию «Мать года» не претендует, но вряд ли Анютке будет в казённом доме лучше. Я смогу позаботиться о ней гораздо лучше.

– Да ты не бойся, не обижу. Пока ты со мной, ни в чём не будешь нуждаться. И твоя семья тоже. Мой человек об этом позаботится.

И снова обещают золотые горы, но ничего не дают, пока только отнимают. Он забрал мою невинность, теперь хочет ещё и свободу.

– А надолго это? – про то, что мне завтра в школу, вообще молчу. Никого здесь не волнует, что у меня на носу выпускные экзамены.

– Пока мне не надоест, – неопределённо пожимает плечами Виктор.

Вот так просто, я всего лишь игрушка в его руках... На время...

Наверное, такие, как он, привыкли без промедления получать всё, чего только душа пожелает. Вот это жизнь! Хоть разочек попробовать бы так же.

Может именно этим меня обольстило его предложение. Роскошная жизнь заманчиво машет мне ручкой, и я боюсь опрометчиво отвергнуть столь щедрое предложение. Возможно, это мой единственный шанс вырваться из нищеты, стать кем-то значимым.

– Хорошо...

Моё согласие лишь формальность, иллюзия несуществующего выбора. На самом деле его у меня нет, и уйти по своей воле я сейчас никуда не могу, но мне становится чуточку легче, когда я думаю, что сама на это согласилась. Лучше идти на собственных ногах с гордо поднятой головой, нежели меня под руки будут тащить силой.

– Хорошая девочка, – мажет большим пальцем по моей нижней губе и слегка прикусывает её, от чего я вздрагиваю. – Послушная... – довольно рычит. – А от твоей робости у меня вообще сносит крышу...

Он стоит передо мной совершенно голый. Капли воды, очерчивая округлые мышцы, стекают по влажной коже, капая на пол. А его член снова возбуждён. Чувствую, как кровь приливает к щекам, опалая их жаром. Какой же он ненасытный!

Нервно сглатываю образовавшийся в горле ком и снова стыдливо отвожу взгляд в сторону. Моё тело остро реагирует на близость этого мужчины. Я боюсь его, хоть и знаю, что он не желает мне зла. Он просто желает моё тело. Всё без остатка.

– Мне сейчас нужно ехать по делам, – вздыхает он, сожалея, что пропадает такой крепкий стояк. – Вечером продолжим.

– Мне ждать вас... тебя здесь?

– Нет, мой водитель отвезёт тебя домой. Ко мне домой, – уточняет на всякий случай.

Пытаюсь натянуть на себя вчерашнее платье, но в порыве страсти оно было настолько испорчено, что приходится прикрывать руками разорванные по шву места, оголяющие мой живот. Виктор снисходительно смотрит на эти жалкие попытки и ухмыляется моей неуклюжести.

– Можно я заеду домой за одеждой?

– Нет, я сам куплю тебе всё необходимое, – козыряет он щедростью. – Хотя одежда тебе в принципе ни к чему, – подмигивает, намекая на то, что я лишь дорогая секс-кукла для его утех, и место моё исключительно в постели.

– Можно мне хотя бы маме позвонить? Сказать, что я какое-то время поживу... у вас. У тебя.

– Ей сообщат, – деловито и сухо констатирует он, одеваясь. – И деньги передадут за сегодняшнюю ночь. Или ты себе хотела оставить?

Отрицательно мотаю головой. Надеюсь, мама сможет ими правильно распорядиться. Может ей хватит совести хотя бы долги по кредитам погасить, чтобы к нам больше не приходили коллекторы.

Мне становится некомфортно от того, что меня будто бы «отрезали» от внешнего мира и спрятали. Скрыли ото всех в «золотой клетке», словно редкую экзотическую птичку из «красной книги».

– Запомни, девочка, – подходит ко мне и крепко берёт за подбородок двумя пальцами, поднимая вверх, заставляя смотреть в черноту его глаз. – Два правила: ты никуда не вы-

ходишь из комнаты, куда тебя поселят, что нужно тебе принесут, я буду сам приходить.

Челюсть больно сводит, но отвести взгляд боюсь.

– А второе? – зачем-то уточняю. Просто хочу прервать нависшую над нами паузу, а то как-то недобро он на меня смотрит.

– А второе, оно же главное, – ты беспрекословно подчиняешься мне без вопросов и по большей части молчишь. Мне не нужна очередная выносящая мозг любовница, мне нужна послушная смазливая кукла, уяснила?

Так настоящую куклу и купил бы. Из латекса, а не из живой плоти. Я по телевизору видела, в Японии делают очень реалистичных роботов для любых целей. Правда стоят они очень дорого, но для него ведь это не проблема.

– А если я послушаюсь или захочу уйти? – пытаюсь унять дрожь в голосе, но не выходит.

– Ты не захочешь это знать. Просто не зли меня, и всё будет хорошо, девочка. Не люблю строптивых, с норовом, мне нравятся послушные. А я в гневе тебе ой как не понравлюсь. Поймаю и накажу, – грозит он таким тоном, что мне становится не по себе. – Поняла? – его голос эхом отдаётся от кафеля стен.

Поняла, но не согласна. Но выбора у меня нет. Что-то мне подсказывает, что он не примет отказ, а его последствия будут мне стоять слишком дорого.

Часто-часто киваю, и он, наконец, меня отпускает и ухо-

дит. А я пытаюсь не позволить вновь подступающим слезам щипать мне глаза.

Глава 13. Неожиданность

Я прожила в доме Виктора два бесконечно долгих месяца. За это время я общалась по телефону с мамой всего четыре раза. В основном сухо: как дела, как Аня, сплошные формальности, так как за мной везде по пятам ходил охранник и, бьюсь об заклад, докладывал каждое моё слово, каждый чих, своему хозяину. Гулять мне разрешалось лишь в саду, и то под присмотром. Наедине с собой я оставалась только в своей комнате. И исключительно днём.

По вечерам ко мне приходил Виктор. Каждую грёбаную ночь, без исключения. Он брал меня жадно и неистово каждый раз. Раз за разом вонзался в мою неподготовленную плоть. Я оставила попытки хоть как-то насладиться нашей близостью и беспрекословно выполняла все его требования. Хотелось, чтобы он побыстрее закончил и ушёл. Слава богу, со мной он никогда не спал, и я могла поплакать в тишине и одиночестве.

Я множество раз малодушно подумывала о побеге, придумывала планы, гуляя в саду, тайком изучала маршруты отступления. Но после очередного звонка домой убеждалась, что без меня им будет только лучше.

Виктор сдержал своё слово и взял мою семью под своё покровительство. В деньгах они больше не нуждались, нужды

не было ни в чём. Маму без проблем приняли на работу в элитную гимназию, несмотря на сомнительную репутацию. Братьев взяли в хорошую спортивную школу, причём легендарный именитый тренер позвонил маме сам. Анюта ходила в частный детский сад с углубленным изучением английского языка. Это давало мне надежду, что её постигнет иная судьба, не моя, когда она подрастёт. А моё место здесь. Тут от меня есть польза, а дома... У меня нет ничего, кроме молодости и красоты, и те не вечны.

В какой-то момент я смирилась со своей судьбой и просто плыла по течению. День за днём. Я не окончила школу, не сдала выпускные экзамены, не получила диплом, но зато у Виктора была огромная библиотека, где я взахлёб зачитывалась классическими женскими романами. В прежней жизни у меня не было подруг, поэтому изоляция не казалась мне столь ужасной, когда рядом Джейн Остин, Шарлотта Бронте и другие феминистки своего времени. Они стали для меня настоящим спасением от одиночества. И я всё ещё наивно верила в настоящую любовь, описанную в их романах. Светлую, чистую, трепетную, нежную...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.